

Никулин Виктор Васильевич

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА. К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Рассматриваются социально-экономические и политические предпосылки Антоновского восстания. Делается вывод, что российское общество к середине 1920-го года находилось в состоянии системного кризиса, который проявлялся в разрушении экономической основы государства и полном обнищании населения. Кризис являлся следствием несостоятельности экономической политики государства и привел к росту политической напряженности между государственными структурами и населением, в первую очередь крестьянством. Реакция крестьянства выразилась в вооружённом протестном движении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 2. С. 83-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

Рассматриваются социально-экономические и политические предпосылки Антоновского восстания. Делается вывод, что российское общество к середине 1920-го года находилось в состоянии системного кризиса, который проявлялся в разрушении экономической основы государства и полном обнищании населения. Кризис являлся следствием несостоятельности экономической политики государства и привел к росту политической напряженности между государственными структурами и населением, в первую очередь крестьянством. Реакция крестьянства выразилась в вооружённом протестном движении.

Ключевые слова и фразы: экономика; политика; «военный коммунизм»; продразвёрстка; кризис; восстание; нэп.

Никулин Виктор Васильевич, д.и.н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
viktor.nikulin@mail.ru

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА. К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Каждое общество в своем развитии проходит ряд критических моментов, когда в наибольшей степени обостряются все его противоречия и наступает момент исторического выбора. Именно такой момент наступил для советской России во второй половине 1920 – начале 1921 г. Руководство вынуждено было признать несостоятельность предпринятых ранее попыток непосредственного перехода к социализму на основе «военного коммунизма». Это признание вытекало из сложившейся кризисной ситуации в стране. Кризис носил системный характер и включал в себя несколько внутренних кризисов: экономический, социальный, политический, идеологический, организационный.

Семь лет страна находилась в состоянии войны, прошла через две революции, впала в разруху, пережила периоды жесточайшего голода и эпидемий. Страна лежала в руинах. Нормальные экономические отношения были заменены политикой «военного коммунизма», в основе которой лежал принцип «всеобщего распределения». Была полностью разрушена финансовая система. В полном смысле экономический коллапс переживала российская деревня, которая в наибольшей степени испытывала на себе страшные последствия «военного коммунизма», поэтому кризис здесь отличался особой остротой. Право крестьян на землю, данное им после октября 1917 года, оказалось призрачным, так как крестьяне были лишены права распоряжаться продуктами своего труда, отобранными в ходе продразверстки.

Тамбовская губерния, регион с плодородной землей, значительными хлебными запасами, привлекал к себе продотряды, сюда ехали за хлебом. Уже к октябрю 1918 года в Тамбовской губернии, например, действовали 50 продотрядов из Петрограда, Москвы, Череповца и других городов общей численностью до 5 тысяч человек [6, с. 10]. Такого размаха конфискаций не знала никакая другая губерния. Положение крестьян было отчаянным. Общая посевная площадь уменьшилась на 25%, урожайность ржи – с 66 пудов с десятины до 18 пудов. Количество рабочего скота сократилось на 40%, количество безлошадных крестьян достигло 54%, вообще без всякого скота – 23% [3, д. 7, л. 3 об.].

Несмотря на жесточайшее проведение продразверстки, сбор зерна в 1921 г. не был обеспечен. Из 36 млн пудов чрезвычайного налога, наложенного на Тамбовскую губернию, к августу 1920 года поступило лишь 35% от задания. Несмотря на тяжелейшую ситуацию, из Центра шли жесткие указания об изъятии хлеба любой ценой. Настроения крестьян радикализировались на фоне беспрецедентных по жесткости действий продотрядов. Инструкции продотрядам требовали от них применения жестких мер принуждения. К примеру, в одной из таких инструкций говорилось: «Сход должен проводиться так, чтобы население и местная власть поняли, что разверстка есть закон. Столь же непреложен, как и закон природы. Если село к сроку не выполнило разверстки – арестовать немедленно весь Совет, конфисковать у членов Совета все имущество, забрать бесплатно весь хлеб с данного села, не оставив ни одного зерна, угнать на бойню весь скот, арестовать всех кулаков, отправив их в рабочий батальон» [Там же, д. 234, т. 1, л. 107-108]. Попытки местных властей в отдельных случаях как-то сдерживать агрессивность продкомиссаров наталкивались на жесткое противодействие. Облеченные чрезвычайными полномочиями, они даже не реагировали на распоряжения местных властей, а зачастую сами подвергали арестам ее представителей.

Особенно сложно проходила продразверстка 1920-1921 гг. Хозяйства крестьян достигли крайней степени истощения и не могли объективно выполнить разверстку, которая оставалась чрезвычайно высокой. Для Тамбовской губернии, несмотря на поразившую губернию засуху, она определялась в 11,5 млн пудов. Перед крестьянами возникла элементарная проблема физического выживания. Надвигался голод. У крестьян был утрачен всякий стимул к расширенному воспроизводству, результатом чего стало резкое сокращение хозяйств. Если в 1918 г. в Тамбовской губернии на одно хозяйство приходилось в среднем 4,3 десятины посева, то в 1920 г. – лишь 2,8 десятины [5, с. 50].

Очевидно, что поля засеивались в размерах, необходимых только для обеспечения личного потребления. На местах стали саботировать разверстку. Из Усмани сообщали, что сельсоветы категорически

отказываются даже сделать разверстку по хозяйствам, говоря: «Мы вам отдадим последний кусок, но разверстки делать не будем, потому что ни Петр, ни Иван выполнить ее не могут, а за это у него уведут последнюю корову» [3, д. 197, л. 21].

В такой ситуации хлеб можно было взять только силой. И власть усиливала нажим на крестьян. Продотряды были переведены на военное положение. Во всех этих действиях легко усматривается главенствующий принцип – «революционная целесообразность», взять хлеб любой ценой. Объективные условия (засуха, неурожай) не принимались во внимание и только вели к умножению усилий властей по изъятию хлеба. Указания на обеспечение законности действий продотрядов совпадали с пониманием «целесообразности» и на действия продотрядов практически не влияли. Определяющая задача – максимальное выполнение разверстки – делала невозможным для крестьян использовать правовые средства для защиты своих интересов: апелляции, жалобы, обращения в суд и т.п. Пожалуй, законность присутствовала лишь в деятельности революционных трибуналов, которые безжалостно карали крестьян «за сокрытие хлебных излишков». Оправданием суровой бескомпромиссности и даже жестокости служила угроза голода для миллионов людей, а также условия войны, на фронтах которой решались судьбы революции. Поэтому официальная идеология определяла смысл борьбы за хлеб как борьбу за социализм, трактовала крестьянские протесты против насилия как «кулацкие», а попытки вооруженного сопротивления как «бандитизм». При угрожающем положении всеобщего голода организационная беспомощность властей в значительной степени нивелировала экономические результаты продразверстки. Огромное количество продуктов не доходило до городов, расхищаемое, сгнившее, замороженное в железнодорожных тупиках. Размеры спекуляции были чрезвычайными, «так как город ничем практически не снабжается на законном основании и живет, исключительно спекулируя и потребляя продукты спекуляции» [2, д. 188, л. 95]. В целом же по стране через черный рынок шло более 80% продуктов.

В конечном итоге продразверстка ко второй половине 1920 года «уперлась» в экономический и политический тупик, с одной стороны, не обеспечивала город необходимым количеством хлеба, с другой – порождала политическую радикализацию крестьянства. В 1918-1919 гг. было собрано 100 млн пудов, в 1919-1920 гг. – 250 млн пудов, но при этом рабочий, получавший по высшей норме (литер «А»), вел голодное существование. В получаемых продуктах по карточкам содержалось 1200-1900 калорий, а человек, который лежит, не работает, должен получать как минимум 2000 калорий. Минимальная норма для рабочего составляла 3000 калорий. Происходило физическое вырождение рабочего класса, существующая система не позволяла обеспечить даже минимального питания [4, с. 237]. Ленин вынужден был признать ошибочность расчетов на «военно-коммунистические» методы. «Мы сделали ту ошибку, что решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное количество хлеба, а мы разверстаем его заводам и фабрикам, – выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [7, с. 157].

Естественно, что продовольственная политика, методы ее осуществления в особенности, толкали крестьян на крайние формы протеста. Крестьяне поначалу отвечали на действия властей саботажем – самой распространенной формой пассивного сопротивления. По мере же возрастания репрессий деревня переходила от оппозиции к методам крестьянской войны: террору против коммунистов и советских работников, разгрому совхозов и колхозов, к партизанским приемам борьбы.

Волна локальных восстаний в губерниях Центрального Черноземья, с самого начала носивших откровенно антисоветский характер, начинается с 1918 года. В 1918-1920 гг. отмечаются восстания в Воронежской, Орловской, Курской губерниях. В 1918 г. в Тамбовской губернии в крестьянских восстаниях против насилия со стороны продотрядов и комбедов приняло участие до 40 тысяч человек [6, с. 10]. Локальные восстания, то затухая, то вновь разгораясь, продолжались вплоть до 1920 г., в конечном итоге трансформировались в крестьянскую войну. Крестьянская война в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. явилась прямым результатом «военно-коммунистической» политики советской власти, прежде всего – продовольственной. До осени 1920 г. руководство губернии не придавало особого значения движению, полагая, что это «мелочь», которая не требует особых усилий для своего разрешения. И если в начале движение характеризовалось не иначе как «бандитизм», то вскоре пришлось констатировать наличие «поголовного крестьянского восстания, а не бандитизма» [2, д. 510, л. 57].

Признав, что налицо крестьянское восстание, власти тем не менее причины восстания пытались свести к антисоветской деятельности партии эсеров (ПСР). Влиянию и руководству ПСР во многом приписывали размах движения руководители борьбы с «антоновщиной», что было средством оправдания террора и преследования политических оппонентов, подавления антибольшевистских настроений в обществе. И все же властям пришлось признать тот факт, что в основе крестьянского восстания лежат объективные причины: продовольственная политика, методы ее осуществления, а само восстание носит ярко выраженный социально-политический, антиправительственный характер. Председатель Воронежской ЧК Кандыбин дал такую оценку восстанию: «Крестьянство, участвуя в мятежах, выступало с определенным протестом и политическим требованием. Это был не просто уголовный бандитизм с политической окраской в грубой форме, а широкое движение крестьян. Главнейший стимул, который действовал на крестьян как красный платок на быка – продразверстка» [1, д. 448, л. 87].

Стихийный характер выступлений крестьян подтвердил и председатель Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом В. А. Антонов-Овсеенко, который в своем докладе отметил, что Антоновское восстание есть ответная реакция крестьян на действия продорганов, беззакония и произвол, творившиеся ответными работниками разных рангов по отношению к крестьянскому населению [6, с. 125-126, 229-231].

Это было признание того факта, что так называемые «злоупотребления продразверстки» приняли повсеместный характер и на всех уровнях властной иерархии и носили характер всеобщего насилия и беззакония. Постоянные угрозы, аресты, взятки, реквизиции породили полное недоверие крестьян к государственным структурам и к РКП(б). Можно утверждать, что во второй половине 1920 года недоверие к советской власти

переросло в грозное озлобление крестьянства ко всем распоряжениям советской власти. Из всех уездов Тамбовской губернии сообщали о готовности крестьян выступить против властей в любой момент. На местах принимались откровенно антисоветские резолюции и заявления. В Усмани Тамбовской губернии на уездный съезд профсоюзов было избрано всего три коммуниста. Съезд с первых же заседаний принял враждебное компартии направление. Тамбовский губком констатировал, что проведенные в феврале 1921 г. беспартийные конференции обращались часто против партии [2, д. 598, л. 37]. В таких условиях предел терпения крестьян иссяк, и они взялись за оружие, чтобы насильем ответить на насилье.

Крестьяне хотели свободы торговли, поэтому естественным было введение на контролируемой повстанцами территории свободы торговли, что сразу же привело к изменению экономической ситуации, в частности к заметному снижению цен. В зоне восстания цены на лошадь, муку, овес были в 2-3 раза ниже, чем в районах, не затронутых восстанием [3, д. 269, л. 63]. Данным обстоятельством не преминули воспользоваться крестьяне, которые продавали истощенную от голода лошадь и ехали покупать новую в районе, где действовали повстанцы.

К февралю 1921 г. повстанческое движение достигло наибольшего размаха. К этому же времени советская власть оценила всю опасность положения, осознала вероятность распространения восстания на соседние губернии, реальную угрозу существования самой власти и начала не только подавлять восстание, но и анализировать причины и последствия. Ситуация складывалась таким образом, что политика устрашения объективно вела к утрате власти большевиками. В сочетании с другими факторами (восстания крестьян в Поволжье, на Дону, в Сибири, Кронштадт, волнения среди рабочих, начавшиеся «дрязги» в самой «правящей» партии) крестьянское восстание в Тамбовской губернии могло привести к взрыву всей системы советской власти. Не случайно в начале 1921 г. в Тамбове появляются два эмиссара Москвы – Н. И. Бухарин и А. В. Луначарский. Первый участвовал в работе X губернской партконференции (28-30 января 1921 г.), второй – VII губернского съезда Советов (31 января – 4 февраля). Они пытались выяснить действительные масштабы и характер «антоновщины», оценить реальность угрозы, исходившей от крестьянского движения. Увидели они и то, что губернское руководство, раздираемое распрями, не способно справиться с положением [6, с. 15]. Выводы были сделаны далеко идущие. Определенно можно сказать, что события на Тамбовщине сыграли не последнюю роль в принятии решения о замене разверстки продналогом.

Таким образом, начиная с середины 1918 года и по начало 1921 года Тамбовская губерния, как и остальные крестьянские губернии, была охвачена массовым крестьянским движением, направленным против проводимой советской властью в деревне «военно-коммунистической» политики. Оно принимало различные формы: от отдельных локальных выступлений до крупных восстаний, каковым было Тамбовское восстание, по своим масштабам и политическим последствиям явившееся событием большой общероссийской значимости.

Можно констатировать, что объективная основа крестьянского движения в Тамбовской губернии была единой с общероссийским крестьянским движением в годы Гражданской войны. Так же как и в других регионах, на Тамбовщине оно было вызвано доведением крестьянства до состояния безнадёжности. Опираясь на примитивную модель управления, где главной была наиболее простая форма управления – насилье, большевики утратили доверие со стороны большей части населения и находились на грани утраты власти. Реальную поддержку советскому правительству оказали лишь преторианская гвардия, часть рабочего класса и партийно-государственная номенклатура. Экономически разрушенная, политически нестабильная, отягощенная региональными проблемами страна требовала перемен. Все более ясным становилось, что методами «военного коммунизма» возродить страну невозможно. Главным препятствием на пути хозяйственного возрождения, достижения политической стабильности было отсутствие единства интересов всех слоев общества. Отсутствие эффективного хозяйственного механизма порождало острые и открытые формы проявления противоречивости интересов в экономической сфере, что приводило к политическим кризисам.

Крестьянские восстания не были инспирированы никакими антибольшевистскими силами. Они явились закономерным результатом стихийного недовольства крестьян продразверсткой, в целом политикой советской власти. Это был мощный социальный взрыв, закономерный итог политики «военного коммунизма», которая потерпела полный крах и в экономической, и политической сферах, породив вместе с разрушительным воздействием войны один из самых серьезных кризисов за всю историю страны.

Руководство искало выход из создавшегося тупика. И он был найден в новой экономической политике. В феврале, за месяц до X съезда партии, отменялась продразверстка и разрешался местный торговый обмен продуктами сельского хозяйства в Тамбовской губернии, ввиду продолжавшегося там крестьянского восстания. Обращение к тамбовскому крестьянству по этому поводу было распространено от имени губисполкома и губкома РКП(б) 9 февраля 1921 года, дабы не тиражировать его по всей стране, если бы оно исходило от высших органов власти. В обращении говорилось: «Учитывая всю тяжесть положения, в котором находится сейчас тамбовский крестьянин, и учитывая также, что большая часть разверстки выполнена, и те остатки, которые есть у некоторых кулаков, сравнительно ничтожны, Народный Комиссариат по продовольствию постановил: прекратить дальнейшее взимание хлебной разверстки в Тамбовской губернии... Немедленно по получении сообщения прекратить собиранье хлебной разверстки и снять все продотряды» [8, с. 299-300].

Но ограничиться одной губернией уже не было возможности. Общий кризис достиг апогея. Это был тугий узел проблем, разрубить который можно было только решительной мерой в масштабе всей страны. И такой мерой стала резолюция X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом». Резолюция съезда оказалась переломной в ходе формирования нового хозяйственного механизма, способствовала преодолению политического и экономического кризисов. «Крестьянский Брест» спас власть от разрушения. В политическом смысле нэп – передышка, необходимая для решения ключевой политической задачи: удержать, укрепить и максимально эффективно использовать политическую власть.

Крайности политики «военного коммунизма», жестокое подавление восстания оставили глубокую, долго не заживавшую рану в душе крестьян, что проявлялось на протяжении всего периода нэпа. Подозрительность сторон, затаенная злоба, «глухое» недовольство оставались характерными чертами общественно-политических настроений крестьян. Даже отмену продразверстки они встретили скептически, полагая, что власть отступила только на время, усматривая в действиях властей тайный умысел. Можно говорить, что тамбовское крестьянство в 1920-е годы находилось в оппозиции власти. Это была не открытая оппозиция, но ошутимая. Поэтому местной власти приходилось действовать в более сложных условиях, чем в других регионах.

К концу Гражданской войны Россия, прежде всего на региональном уровне, представляла собой «государство в хаосе», то есть такое, в котором социальное, экономическое, политическое и психологическое напряжение достигло крайней формы. Это было полностью «дезорганизованное общество», что подтверждает и массовое антиправительственное движение в различных регионах страны, в том числе и в Тамбовской губернии. Все это свидетельствовало о состоянии системного кризиса общества, который вынудил власть интенсивно искать выход из него, на время отказаться от идеологических догм и ускорить переход к новой экономической политике.

Список источников

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 1. Оп. 1.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИ ТО). Ф. 840. Оп. 1.
3. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1.
4. Девятая Всероссийская конференция РКП(б). 22-25 сентября 1920 года: стенографический отчет. М.: Госиздат, 1921. 392 с.
5. Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 47-57.
6. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («антоновщина»): документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. 334 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1970. Т. 44. 710 с.
8. Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918-1921 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1989. 378 с.

PEASANT REBELLIONS AS A MANIFESTATION OF SOCIETY SYSTEM CRISIS. ON THE ISSUE OF SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL PREREQUISITES OF ANTONOV'S REBELLION

Nikulin Viktor Vasil'evich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
viktor.nikulin@mail.ru

The article deals with socio-economic and political prerequisites of Antonov's rebellion. It is concluded that by the middle of the 1920s the Russian society was in the system crisis condition, which manifested itself in destruction of the economic basis of the state and complete impoverishment of the population. The crisis was a consequence of failure of the economic policy of the state and led to increase in political tensions between the state structures and the population, first of all, the peasantry. Reaction of the peasantry was expressed in the armed protest movement.

Key words and phrases: economy; policy; "war communism"; surplus-appropriation system; crisis; rebellion; New Economic Policy.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена событиям на Тамбовщине в 1920-1921 гг., которые к настоящему моменту вызвали к жизни весьма значительную историографию и корпус документальных публикаций. Вместе с тем многие сюжеты остаются непроясненными, дискуссионными, требуют дальнейшей разработки. В работе предлагаются перспективные и важные, на взгляд автора, исследовательские сюжеты, реализация которых позволит получить новые знания по истории Тамбовского восстания.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война 1918-1922 гг.; крестьянство; восстание; Тамбовская губерния; историография.

Посадский Антон Викторович, д.и.н., доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов
Posadav68@mail.ru

ТАМБОВСКОЕ ВОССТАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Предлагаемый читателю материал написан в порядке постановки ряда проблем, не получивших освещения в историографии Тамбовского восстания, обрисованных слишком односторонне или неполно.